

Филатов Владимир Викторович

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПЕРИОД ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНОГО КРИЗИСА 1927/28 Г. НА УРАЛЕ

В статье исследуются преступления должностных лиц Уральского региона во время хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. Невыполнение нереальных планов, а также превышение служебных полномочий при давлении на крестьян квалифицировались как должностное преступление. На примере Урала проанализировано, как репрессивная правоприменительная практика Советского государства позволяла решать насущные народно-хозяйственные задачи в период кризисных ситуаций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 171-173. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 9(с)24

Исторические науки и археология

В статье исследуются преступления должностных лиц Уральского региона во время хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. Невыполнение нереальных планов, а также превышение служебных полномочий при давлении на крестьян квалифицировались как должностное преступление. На примере Урала проанализировано, как репрессивная правоприменительная практика Советского государства позволяла решать насущные народно-хозяйственные задачи в период кризисных ситуаций.

Ключевые слова и фразы: хлебозаготовки; кризис; репрессии; должностное преступление; перегибы.

Филатов Владимир Викторович, д.и.н., доцент

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

v.philatov@mail.ru

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПЕРИОД ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНОГО КРИЗИСА 1927/28 Г. НА УРАЛЕ[©]

Исторический опыт свидетельствует, что необходимо видеть за каждым преступлением и преступником мотивы правонарушения и законность действия правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Особенно это касается правоприменительной практики Советского государства.

Советские правоведы в тот период трактовали понятие «должностное преступление» как нарушение служащим служебного долга, служебных обязанностей. Уголовный кодекс определял, что под должностными лицами понимаются лица, занимающие постоянные или временные должности в государственном (советском) учреждении, предприятии, а равно в организации или объединении, на которые возложены законом определенные обязанности, права и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, профессиональных или других общегосударственных задач.

Начиная с 1927/28 г. в период хлебозаготовительного кризиса, и особенно в 1930-е гг., во время сельскохозяйственных кампаний и заготовок сельхозпродукции центральные органы власти устанавливали нереальные планы. Невыполнение этих заданий квалифицировалось как должностное преступление, нарушение служебных обязанностей, в результате чего наступала уголовная ответственность. Чтобы добиться выполнения установленных директив, партийно-советским функционерам приходилось нарушать законодательство, оказывая давление на крестьян.

Немало председателей сельсоветов, руководителей районного и окружного звена Урала осудили по статьям Уголовного кодекса РСФСР за злоупотребление и превышение власти, преступную халатность. Статья 109 УК предполагала наказание сроком не ниже 6 месяцев лишения свободы за злоупотребление властью – нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причиненный ему имущественный ущерб. По статье 111 УК наказание следовало за бездействие власти, халатное отношение к службе. За данное преступление можно было оказаться в тюрьме на три года. За так называемые перегибы руководителей ожидала статья 110 УК РСФСР (превышение власти) – свыше двух лет лишения свободы [9, с. 402-403, 409].

Насколько правомерным было применение уголовного законодательства в СССР можно проследить на примере хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. Именно с этого времени распространенной моделью управления экономическими процессами стало командование, безусловное выполнение партийных указаний центра. Невыполнение директив вело к тому, что фигурантами уголовных дел становились должностные лица.

Кризис хлебозаготовок 1927/28 г. был вызван многими причинами, но наиболее важная из них проявилась в нежелании руководства страны изменить ценовую политику. Необходимо было снижать цены на промышленные товары, увеличивать их предложение селянам и повышать заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию, но на деле происходило иное.

В информационном письме Уральского обкома ВКП(б) в июне 1928 г. объяснялись причины затруднений в хлебозаготовках. По сравнению с серединой 1920-х гг. цены в 1927/28 г. на продукцию животноводства повысились по области на 30,2%, а цены на хлеб снизились на 5,7%. Крестьяне же предпочли оставлять хлеб у себя, а деньги, нужные на уплату налогов и покупку промтоваров, они получали от продажи продуктов животноводства и технических культур. Какой же выход из создавшейся ситуации предлагало руководство области? Вместо повышения заготовительных цен на хлеб, что было категорически запрещено, предлагалось снижение цен на промтовары, что тоже было маловероятно, хотя на это нацеливало и руководство страны [11, д. 62, л. 36].

В 1927/28 г. цены на зерно при заготовке в Уральской области понизили, в том числе в связи с худшим качеством. Это привело к тому, что недоплата на Урале за центнер составляла 61 копейку, а, к примеру, переплата по Северному Кавказу – 55 коп., по стране – 18,3 коп. По данным Уральского областного управления торговли, рожь имела в 1927/28 г. примесь 1,5% против 1,2% в 1926/27 г., пшеница – 2% и 1,5%, овес – 3% и 2% соответственно [7, с. 17].

7 января 1928 г. на бюро Уралобкома ВКП(б) была заслушана телеграмма И. Сталина и информация уполномоченных обкома, ездивших на места, об усилении хлебозаготовок и о проверке выполнения ранее направленных директив. Постановление бюро категорически запрещало во всех организациях ставить

на обсуждение вопрос о пересмотре существующих цен на хлеб. Должностные лица были предупреждены об уголовной ответственности за невыполнение партийных решений [11, д. 41, л. 13, 14].

В начале хлебозаготовительной кампании план для Уральской области был установлен в 41 миллион пудов, а затем добавлен еще 1 млн пудов. В январе 1928 г. в Уралобком поступила телеграмма А. Микояна. В ней сообщалось, что по итогам первого полугодия хлебозаготовок следует повысить заготовки сверх установленного плана, поскольку некоторые округа близко подошли к выполнению годового плана. Годовой план области увеличивался немного-немало на 7 млн пудов, что составило 49 млн пудов [Там же, д. 491, л. 3]. Хотя В. Молотов после поездки в Уральский регион считал, что для Уральской области реальный план – 44 млн пудов, а в Башкирии – 18 млн пудов, но план заготовок в Уральской области возрос на 16,7% [4, с. 187]. В 1927 г. урожайность зерновых в Уральской области составляла 7,7 центнера с гектара, а в Башкирии – 6,1 центнера [6, с. 223]. При столь низких показателях установленные планы были нереальными.

С помощью чрезвычайных мер по отношению к крестьянам за январь-июнь 1927/28 г. в Уральской области заготовили 22 млн пудов хлеба, тогда как за тот же период 1925/26 г. – 1,5 млн пудов. По сравнению с 1925/26 г. заготовки сырья и скоропортящихся продуктов в 1927/28 г. выросли с 14 до 24 миллионов рублей [11, д. 6, л. 82, 84]. В 1928 г. все же удалось в Уральской области собрать 49,4 тыс. ц, а в Башкирии – 21,1 тыс. ц зерновых, но какой ценой [5, с. 397]! За октябрь-март 1927/28 г. в Уральской области было осуждено 6,1 тыс. крестьян [9, с. 136].

Заготовки 1928 г. в Уральской области проходили под лозунгом давления на кулака с помощью сельсовета, который за несдачу хлеба ставил вопрос об его исключении из земельного общества и лишении кооперативных привилегий [3, с. 176]. Для кулаков устанавливались твердые задания по заготовкам сельхозпродуктов. При невыполнении оных имущество «твердозаданцев» подлежало продаже, а злостных неплательщиков отправляли за пределы мест проживания [8, с. 43]. Тогда же значительно увеличились денежные платежи сельских жителей по сельхозналогу, самообложению [7, с. 157-159, 199-203]. Кроме того, возросли средства селян, прежде всего зажиточных крестьян, направленные на капитальные вложения в деревню. Если в 1925/26 г. они составляли 9 млн руб., то в 1927/28 г. – 11,3 млн руб. [10, с. 12].

В сложном положении в период хлебозаготовок оказались партийно-советские функционеры. Одних руководителей обвиняли в классовом примиренчестве, других – в перегибах, третьих – в бездеятельности, развале работы. Поэтому многие должностные лица оказывались заложниками существовавшей системы управления: не выполнишь директиву – попадешь на скамью подсудимых, выполнишь указания с перегибами – также окажешься в тюрьме.

Рост должностных преступлений вызывался, прежде всего, последствиями чрезвычайных мер в ходе хлебозаготовительного кризиса. Уполномоченный ОГПУ по Уральской области Г. Матсон информировал 21 января 1928 г. Г. Ягоду, что «нажим из области на округа по подталкиванию хода заготовок вызвал во многих из них нервность аппарата, и это передавалось в районы (деревни). Такая нервность вылилась, прежде всего, в репрессивные меры против низового советского аппарата, в частности сельсоветов, председатели которых в массовом порядке отдаются под суд». Так, в Пермском округе отдали под суд 96 работников сельсоветов, в Ишимском округе – 40. Обком и облисполком теперь принимали меры по сокращению таких репрессий [9, с. 189].

Превышение власти при давлении на крестьян было уголовно наказуемым. Отношение к перегибам можно хорошо понять из слов самих руководителей заготовок. Один из участников пленума Башкирского обкома партии в мае 1928 г. высказался о линии ЦК, которая прозвучала на совещании секретарей губкомов. На том совещании секретари обращались к ЦК: «За каким чертом вы ставите так, что нельзя допускать перегибов и т.д., а сейчас требуете заготовок». Они просили в центральных газетах не выступать против перегибов [12, д. 1, л. 248, 249].

Сельсоветы так старались выполнить указания сверху, что привлекали к ответственности всех подряд, не считаясь с экономическим состоянием хозяйства. Поэтому должностные лица села могли оказаться за решеткой не только за бездействие в хлебозаготовках, но и за чрезвычайно активную деятельность, так называемые перегибы.

В марте 1928 г. местным органам ОГПУ был направлен циркуляр секретно-оперативного управления ОГПУ «О принятии мер в связи со случаями извращения классовой линии советским аппаратом при проведении массовых кампаний в деревне». В документе указывалось на случаи произвола со стороны низового советского аппарата к крестьянам, особенно беднякам и малоимущим середнякам: насильственное принуждение к вывозу хлеба, приобретение займа и т.п. путем избиваний, угроз оружием, высылкой, арестом ОГПУ и т.д. Предлагалось привлекать к ответственности лиц, виновных в незаконных действиях [4, с. 168, 228-231].

На Урале количество наказанных за должностные преступления оказалось больше, чем в других регионах страны, что высшим руководством было отмечено как недостаток. Вынуждая аппаратных работников низшего звена принимать незаконные меры по отношению к сельскому населению, их же и наказывали за перегибы или за невыполнение заданий. По данным прокурора Уральской области, озвученным на пленуме Уральского обкома партии (апрель 1928 г.), в период хлебозаготовительного кризиса в Уральской области сняли с работы 1 157 человек, в том числе 4 окружных работников, 77 районных и 832 сельских работника. Отдали под суд 3 018 советских работников, из них окружных – 10, районных – 181, сельских – 1 917, других работников – 910 [11, д. 2, л. 26, 27]. Только с апреля по июнь 1928 г. в Уральской области осудили за должностные преступления 152 человека [1, д. 1442, л. 96, 98]. Подобное рвение уральских руководителей и работников органов юстиции вызвало даже неудовольствие в центре [9, с. 191]. В одном Новопокровском районе Оренбургского округа во время хлебозаготовок под суд отдали 5 председателей сельсоветов, 12 членов сельсоветов, 13 председателей колхозов, 14 членов правления колхозов, 11 членов ревизионных комиссий, 3 хлебозаготовителей [2, с. 8].

Данный анализ убедительно иллюстрирует репрессивный характер Советской власти не только по отношению к крестьянам, но и к должностным лицам. Партийно-советские работники должны были безоговорочно выполнять нереальные планы, иначе они попадали под суд. Так называемые перегибы стали основой деятельности управленческих структур. Однако применение насильственных методов к сельским жителям также преследовалось по закону. Хлебозаготовительный кризис продемонстрировал намерение власти репрессивными методами решать хозяйственные проблемы. Правящая элита еще более утвердилась во мнении о необходимости насильственной коллективизации, чтобы заставить крестьян беспрекословно выполнять партийные установки.

Список литературы

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 88. Оп. 1.
2. Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. Калуга: Золотая аллея, 1998. 416 с.
3. Кукушкин Ю. С. Роль сельских Советов в социалистическом переустройстве деревни: 1929-1932 гг. (по материалам РСФСР). М.: Изд-во МГУ, 1962. 294 с.
4. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание: 1927-1939: документы и материалы: в 5-ти т. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. 879 с.
5. Филатов В. В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х – начале 1940-х гг.: противоречия трансформации. Магнитогорск: МГТУ, 2006. 453 с.
6. Филатов В. В. Уральское село, 1927-1941 гг.: динамика и темпы развития земледелия. Магнитогорск: МГТУ, 2006. 260 с.
7. Филатов В. В. Уральское село, 1927-1941 гг.: продуктовые и денежные повинности. Магнитогорск: МГТУ, 2007. 370 с.
8. Филатов В. В. Уральское село, 1927-1941 гг.: раскрестьянивание. Магнитогорск: МГТУ, 2010. 333 с.
9. Филатов В. В. Уральское село, 1927-1941 гг.: состояние преступности. Магнитогорск: МГТУ, 2009. 438 с.
10. Филатов В. В. Уральское село, 1927-1941 гг.: финансирование. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2013. 238 с.
11. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 6.
12. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 122. Оп. 7.

MALFEASANCES DURING GRAIN PROCUREMENT CRISIS OF 1927/28 IN URAL REGION

Filatov Vladimir Viktorovich, Doctor in History, Associate Professor
Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov
v.philatov@mail.ru

The article researches the malfeasances of the Ural region officials during the grain procurement crisis of 1927/28. The failure to comply with unrealistic plans as well as power abuse while pressuring farmers were qualified as a malfeasance. By the example of the Ural region the article analyzes, how the repressive law enforcement practice of the Soviet state allowed solving urgent economic tasks during crisis situations.

Key words and phrases: grain procurements; crisis; repressions; malfeasance; exaggerations.

УДК 930.23

Исторические науки и археология

Статья посвящена поиску места детей в архитектурно-социальных утопиях конца 1920-х гг., публикуемых на страницах журналов «Современная архитектура» и «Пионер». Советские архитекторы этого периода были озадачены поиском градостроительной концепции, которая бы соответствовала планам строительства социалистического государства и нового общества. В своих проектах они не только «прописывали» общую эстетику и организацию городского пространства, но и, как никогда прежде, были озадачены организацией бытового вопроса горожан.

Ключевые слова и фразы: архитектурно-социальные утопии; советские журналы; СССР; 1920-е годы; городское пространство; советское детство.

Хамитова Жанна Александровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
hamitovaga@gmail.com

**МЕСТО И РОЛЬ ДЕТЕЙ В СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТУРНО-СОЦИАЛЬНЫХ УТОПИЯХ
КОНЦА 1920-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)[©]**

На страницах журнала «Современная архитектура»¹ в 1929-1930 гг. развернулась дискуссия о социалистическом расселении. Сущность дискуссии о социалистическом расселении заключалась в поисках решения

© Хамитова Ж. А., 2013

¹ «Современная архитектура» – журнал объединения современных архитекторов (ОСА), выходил в 1926-1930 гг.